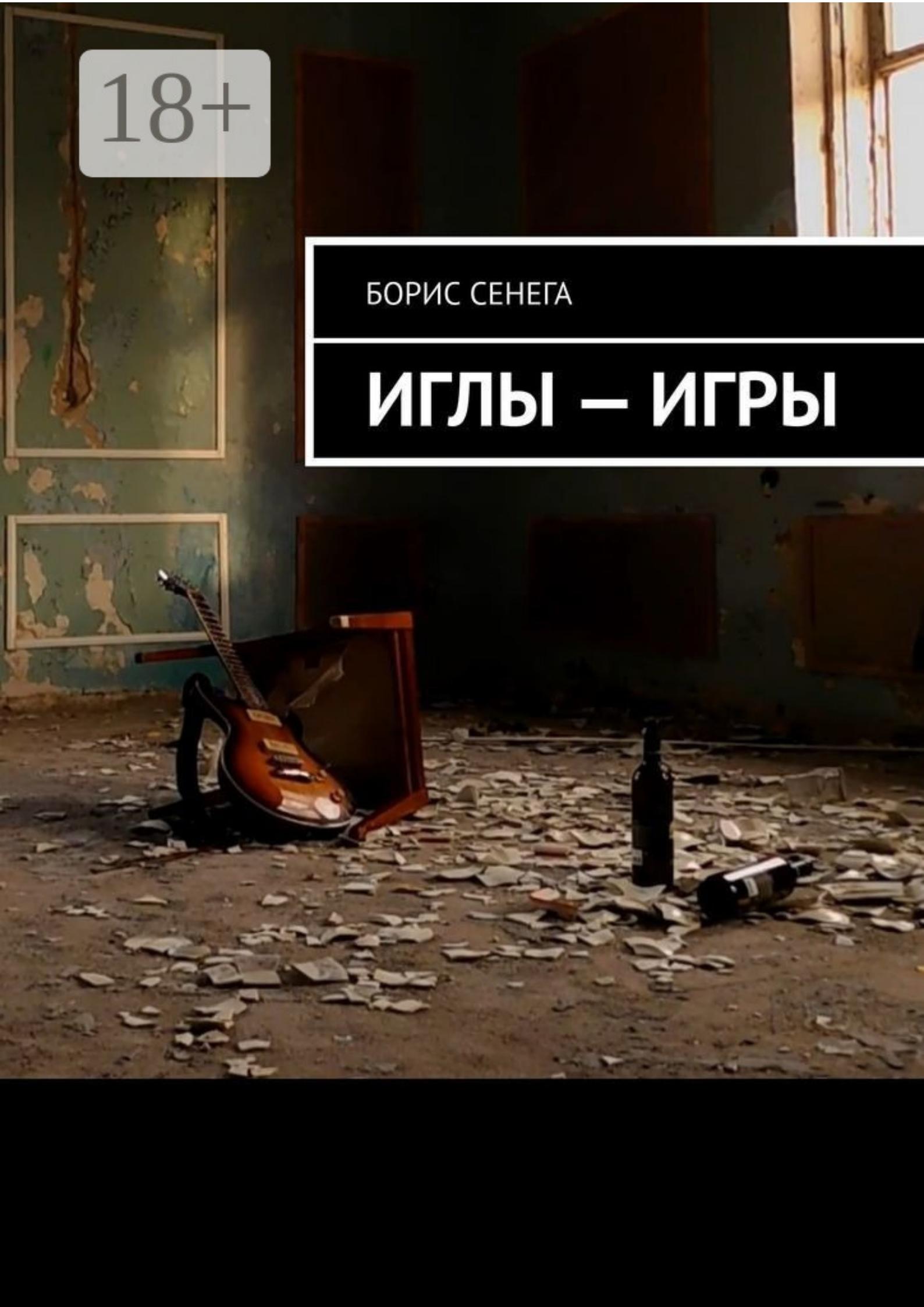

18+

БОРИС СЕНЕГА

ИГЛЫ – ИГРЫ

Борис Сенега
ИГЛЫ – ИГРЫ

«Издательские решения»

Сенега Б.

ИГЛЫ – ИГРЫ / Б. Сенега — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512851-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Стихи и проза крайних лет. Плоды размышлений на странные темы. Ведь вся сегодняшняя наша жизнь — абсурд. Так сложилось, что автор сделался не по воле своей его выразителем. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512851-5

© Сенега Б.
© Издательские решения

Содержание

Рыбья кровь	6
Письмо на ту сторону	11
Сказка про пашу	15
ИГЛЫ – ИГРЫ – I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ИГЛЫ – ИГРЫ

Борис Сенега

© Борис Сенега, 2020

ISBN 978-5-0051-2851-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыбья кровь

– И быть тебе за это, рыбой, мерзкой, скользкой!
– Обещали котом.
– Недостоин!

Григорий Горин. «Формула любви».

1.

Пышнохвостые, золотые рыбки не спешно плыли по своим делам. Бутылочно-зеленая, слоистая вода, увеличивала их в размерах, словно линза телескопа, и от того они казались Пьеру, древними монстрами.

Когда-то давно, он наблюдал сих тварей в лондонском анатомическом театре при

Королевской Академии Наук. В те давние годы, доктор Мосли, облаченный подобно масону в чёрный, кожаный фартук, ловко препарировал Меченосца, показывая студентам измазанные кровью, крупные внутренности. Пучеглазый самец беспомощно трепыхался под скальпелем. Широко раскрывая рот, силился глотнуть воздуха. При каждом судорожном движении, его перистые щитки – заслонки по бокам головы, приоткрывались, и Пьер видел склизкие, красновато-серые жабры несчастного существа. Жабры отмирали, съеживаясь без воды с каждой секундой всё больше.

Кровь, разлитая по мрамору стола, текла из желобов в чашу, поставленную суевливым ассистентом неподалеку от грузного русского господина, пожелавшего посещать лекции профессора. Пьер морщился и вздрагивал, при каждом касании скальпеля. Со стороны могло показаться, что это его холёное, белое тело кромсают на куски и выпускают по капле кровь.

«Тогда я, верно, чувствовал себя рыбой. Полудохлой зловонной, жалкой рыбой. А теперь?»

«Кто я таков теперь?» – подумал он.

Икрная, оранжевая рыбина приблизилась к Пьеру шершавую морду свою и слегка куснула в губы. Граф Безухов вздрогнул, но не открыл глаз.

Рыбина отпрыгнула и, чиркнув по лицу плавником, подалась прочь.

«Кто их выпустил? Они все мёртвые...»

Внезапно ему на ум пришло, что рыба не может быть мёртвой.

«У рыб души нет... Про человека приличествует говорить, что он мёртв. Рыбадохнет. Чаще всего, на поварне, или, как в университете, под скальпелем. Без надежды на Воскресение. А человек? Человек, восстанет из гроба в час суда, и будет держать ответ, перед Господом. Каждый? И князь Василий тоже поднимется по зову труб Иерихонских? Зачем? Он чудовище алчно пьющее кровь. Мою кровь. Я всё вижу, чувствую. И всё понимаю, но воспротивится, нет сил, ибо я рыба. Потрошённая, скользкая рыба, не имеющая души. Рыба, фаршированная золотом. На Саксонском фарфоре лежат куски меня. И все жадно едят плоть мою при свечах.

Тысячу раз прав был Болконский, не для чего было бывать у Куракиных. Попал в омут. В капкан. Душно мне здесь, ей богу муторно, и дна не видно. Да, есть ли оно это дно? Будь всё трижды проклято! Чего ради, я приехал в Россию? Опиваться вином и бравировать силой? Отец позвал. Глупости. Отцу не было до меня прежде никакого дела. Граф Кирилл Владимирович, замазал блуд свой золотом. Над смеялся над всеми ими, отдав титул бастарду. Хотел натянуть нос князю Василию. Князь Василий, поди, ж ты, ужом вывернулся, дочь свою под меня подложил. А я, пустил слюни. Как же, Diana Marble. Нешто в Европе девок мало было? Или у этой ветрогонки – поперек?

В обеих столицах шепчутся уже: «Ах, бедный, маленький Пьер... Вы видали диковину, медведя с рогами? Графиня Безухова, „выкинула“ намедни, а от кого не известно. Очень может быть, что от брата своего Анатоля. Не зря, отец хлопочет по гвардии. В деревни услал сына. Женить стервеца собирается. Пьер то, по все дни в кабинете сидит трактат сочиняет.... Ах, *mijauree*, какова?»

2

Сколь уж денег роздано, только бы, слухи пресечь. И всё зря, клопочет болото проклятушее. Зависть людская хуже ржи въедливой. Всё истребит, подчистую дай, срок. Стреляться разве с обалдуюм этим? Или может и впрямь службы сыскать? В дипломаты податься. Интриги Европейские распутывать?

Хотя, куда мне со свиным то рылом? Хорош дипломат, с женой совладать не может. Сиди уж Ерёма дома, точи свои веретёна. Что на балах ёрзать, что в присутствие таскаться. Всё те же лица, кругом и рядом. К тому же, в министерстве говорят, потолки низкие, я им рогами все люстры расколочу. Нет, определённо пришибу Анатоля, как есть «угрублю всмятку». Какая тут к праху дуэль! Размажу, как клопа по паркету и вся недолга».

Пахнувшая йодом, вода вокруг Безухова вдруг за пузырилась, закипая, но тепла он нисколько не ощутил. Скорее, напротив, от пенящихся, изумрудных столбов, выставивших повсюду, и так же, быстро лопавшихся с глухим, ватным звуком: «БООМ!» тянуло потусторонним холодом. Потревоженные обитатели моря, почувствовав опасность, кинулись врассыпную.

Пьер подобно ленивому киту не придумал ничего лучше, как опустится на глубину. Мрак, увешанный, водорослями Ламинарии и омертвевшими кораллами, кинулся, за ним следом. В фосфорном свете воды Пьер углядел на песчаном дне, блеснувший кругляшек, совсем маленький, с ноготок ребёнка.

«Вот сейчас, я коснусь её, – с надеждой подумал Безухов, вытягивая громадную конечность – плавник, по направлению к монете. (Ему казалось, что это именно давнишний, проигранный на пари, империял, лежит там припорошенный песком.) – Коснусь и спасусь. Не может быть, чтобы я не спасся. Ведь я, никому не делал зла. Желать, желал, но не сделал. И я, их всех люблю, и всех прощаю. И жену, и Долохова, и Анатоля. При мысли о людях рвавших, на части судьбу его, в разгорячённом мозгу Пьера, отчетливо, словно из кусочков цветной смальты сложилась картина:

Moscou, la ville sainte, объятая с четырёх сторон медно – жёлтым пламенем плыла в дыму и копоти на встречу грядущему. Пьер увидел себя идущим на пролом сквозь толпы жителей, потеряно метавшихся в жарком аду.

Отчаявшиеся получить ключи от города «лягушатники» под водительством Мюрата ворвались, наконец, на пожарище и оказались между молотом и наковальней. Жажда наживы гнала французов по углям не покорённой святыни, в самое сердце пепелища. Но страх погибнуть от рук, раздавленных горем и унижением москвичей выталкивал из города прочь, как пробку из бутылки. В Москве наблюдался тот самый невообразимый хаос и безвластие, который позже и по другому поводу учёные нарекут Броуновским движением. Раздвигая толпу плечом, Пьер направлялся, на Поварскую, и оттуда на Арбат, к храму Николы Явленного, где в воображении своём замыслил он «дело».

Широкий с зазубринами кинжал в зелёных ножнах ждал своего часа под обтрёпаным сюртуком его.

Граф Безухов шёл убивать Наполеона. Ему представлялось, что со смертью Императора закончится всё. И этот чудовищный пламень, пожирающий величественный город, и война его породившая, угаснут сами собой. Он шёл, с намерением поставить кровавую точку в трагедии, написанной Вышними, силами для подмостков театра с именем: Россия.

Одно только угнетало его. Он двигался скованно, как человек до конца не осознавший последствий и тягот предстоящего. Пьер не знал точно, как будет убивать Бонапарта. Не думал, что может погибнуть сам. Он просто шёл покончить со ВСЁМ ЭТИМ, и в тайне надеясь, что ЭТОГО, не случится. Вернее, случится, но как-то само собой, без его физического участия, но при нравственном посредстве.

«Я трус. Жалкое ничтожество». – Подумал, отстранено Пьер Безухов, коснувшись, заветного предмета.

Песок, возмущённый касанием, мутной взвесью стал, подниматься, кверху открыв, постепенно, Пьеру вместо вожаемой монеты печальное лицо князя Андрея. В глубинном пространстве лицо Болконского существовало само по себе. В не тела, которого здесь в пучине морской не было вовсе.

Лицо князя открыло глаза и усмехнулось. Оно всегда делалось открытым и добродушным при виде этого увальня в смешных, круглых очках, помещавшихся на толстой физиономии.

– Ах, мой друг, здравствуйте. Давно же мы с вами. . .

Пьер несколько не удивился, услышав голос друга в своём мозгу. Напротив, удивление показалось ему не уместным, даже бестактным в подобных условиях.

3

– Душевно рад встрече Ваше Сиятельство. Однако же, вот где довелось свидеться.

– Да, да такова жизнь. Вернее, то состояние, которое здесь именуется жизнью. Впрочем, вы я вижу молодцом мсье Пьер. Какой великолепный хвост и плавники, загляденье.

– О чём это вы князь?

– Не важно *mon here*, главное вы теперь на всегда избавлены от ваших идиотских *les bons principes*.

– Вы хотите сказать! – Пьер в ужасе выпучил глаза, пытаясь под всплыть на поверхность. – Но позвольте князь. . .

– А, хули толку, Петруша? – горестно усмехнулся Болконский. – Что есть, то есть. Вам еще «подфартило», как здесь выражаются. Вы, полюбуйтесь, на кого я стал, похож. Полный отстой.

Князь Андрей, несколько раз, крутнулся вокруг своей оси, давая Безухову рассмотреть себя подробно.

– А, как же прошлое, – с дрожью в голосе осведомился Пьер?

– Через как, любезный граф. – Ответствовал Болконский. – Здесь есть только настоящее, и то, не для всех.

Пьер, сделал, несколько кругов вокруг лица друга, стараясь, успокоиться. На языке его вертелось миллион вопросов, но каким-то «шестым» чувством, он понимал, что князь Андрей не удовлетворит его любопытства. Не потому, что не захочет, он просто не в силах. это сделать, так как, не знает всего. И всё же, один вопрос, самый главный, как ему казалось, Пьер не мог не задать князю.

– Скажите князь, а видение. Я полагаю, что видел нечто?

– Фрагментарное Озарение. – Равнодушно сообщил Болконский. – Здесь такое случается, почти с каждым. Артефакт. Галлюциногенное обострение в период адаптации. Со мной тоже, признаться, происходит нечто подобное, но, всё реже и реже, слава Творцу. Привык, знаете. И потом. . .

Князь Андрей умолк, размышляя о чём-то своём.

Пьер, из деликатности не решаясь тревожить друга, осваивался в новом для себя качестве. Крутил, пируэты и увлечённо пускал пузыри, с лёгкостью открывая жаберные клапаны. Но вскоре, голос Болконского вернул его, к прежним мыслям.

– Друг мой, вы и вправду хотите знать, что случилось с нами ТАМ? – Князь Андрей,

энергично выпустил пару пузырей в сторону поверхности.

– Если это не затруднит вас. – Сконфуженно ответил Пьер.

До него, наконец, начинало доходить, что любые воспоминания о прошлом, а уж тем более предположения о будущем, на которые здесь неизвестно кем наложено строжайшее табу, причиняют Болконскому мучительные страдания. Но знать, ему до дрожи в плавниках хотелось знать, чем завершилась вся эта канитель.

– Извольте, только право, лучше было бы, всё оставить, как есть.

Князь, нахмурил, брови припоминая минувшее, и начал свой рассказ:

– К не частью для Наполеона, и к счастью для вас, затея, с убийством, благополучно провалилась. Виной тому, ваша не решительность, лень, и как это ни странно, ваше мягкосердечие.

– Ну конечно, припоминаю пожар, девочка. – Встрял Безухов.

– Не прерывайте меня, прошу вас. Всё и без того...

– Простите. Я умолкаю.

Лицо князя, плавно переместилось в скопление световых бликов и, он продолжил:

– Не только это. В тот день, Император, въехал в Москву на четыре часа раньше, предполагаемого, вами срока. Из Драгомиловского предместья, по Арбату, прямехонько в Кремль. Вы, разумеется, всего этого знать не могли, так, что до некоторой степени это вас извиняет. Сама судьба была против вас. Главное же то, что вы колебались, вас снедали эмоции, сомнения. Вы, были не готовы свершить задуманное. Прежде всего, потому, что позволили чувствам взять вверх над разумом. Смерть вообще, и смерть Наполеона в частности, представлялась вам игрой, неким театральным действием если угодно. Где вы герой из плоти и крови, закалываете злодея понарошку. Занавес закрывается. Потом взметнётся снова. Вы вместе с персонажами этой дикой пьесы, выйдите на поклон, а на утро проснётесь знаменитым. Вам хотелось прослыть убийцей Наполеона больше, нежели умертвить его. А девочка – это лишь предлог, внешний признак, и ничего более.

4.

Нет, мой друг, смерть, – это двери в иные миры, и открывать их для других, куда страшнее, чем для себя самого. Чтобы держать ключи от смерти в руках своих бестрепетно, надобно обладать железной волей, ясным, холодным, умом, и совсем, слышите ли вы меня? – Совсем не иметь сердца. То есть, Свершить Пиррову победу над собой. А победа, как женщина, по большей части глупа, ветрена и капризна. По достижении, оную, следует, крепко держать в узде.

Признайтесь, нечто подобное с вами случалось раньше, до двенадцатого года? Как пример: узнав, что отец ваш при смерти вы не слишком огорчились, ибо ждали, что старый граф позовет вас, дабы даровать вам, не любовь свою, нет, Вам, на подобные экзерсисы la plante. Метрическую запись с признанием отцовства. Заверенную, рукою Государя. Единственная востребованная вами цель. Вы жаждали внимания в Свете, денег. Участь un batard, терзала ваше самолюбие, как львица терзает, тушу быка на охоте. Признайте. Не лгите себе. Вы именно с этими чаяниями и надеждами возвратились в Россию.

Кстати, о женщинах. Говорил я вам Пьер: «Ежели хотите свершить, что-либо путное в жизни, нипочём, ни за что, не женитесь». Вы не вняли совету. А между тем, жена ваша, впрочем, Бог ей судья...

Кровосмесителю и прелюбодеею Анатолю Куракину, полковой лекарь, по живому, ржавой пилой отнял, ногу в день Бородинской битвы. Боже, как он кричал, у меня от его воплей, уши закладывало. Вся боль, которую он причинил вам, да и другим некоторым, сторицей к нему возвратилась. Уймите злобу вашу. Вы отомщены самим Провидением.

– А Наташа?! – Не утерпел Пьер Безухов. Ему, хотелось, узнать у князя Андрея, не судит ли тот его за любовь к Наташе? Украденную им, как ему казалось, у мёртвого там, в недостижимом прошлом?!

Но, князь оставил это восклицание без ответа, видимо сочтя его не уместным.

– Я умирал, мучительно. – Продолжал Болконский – Картечь попала в живот. Осколки, кое-как вынули. Однако, утроба начала гнить. Но боль физическая ничто, в сравнении с муками душевными испытанными мной в последние минуты существования. В эти мгновения, я ощутил, что должен поверить в Бога, которого презирал до сих пор. Поверить и принять всё как есть. Осознав, вдруг, что жизнь прожита впустую, а нечто важное прошло мимо. И всё же, как видите, и здесь мы опоздали.

Бонапарт, расплатился по счетам, не многим веселее нашего. Теперь лежит, подобно мумии в гробнице Собора Инвалидов. Ни тебе тлена, ни тебе вони, одни только почести запоздалые. Хоть сейчас готов мутить воду в Европе. Только душу вдохните и в строй.

– Он святой?! – Изумился Пьер Безухов.

– Ни в коей мере, мсье Пьер – Насмешливо взглянул на друга Болконский. Всё много проще и страшней...

Наполеон пал жертвой своего величия. Он сделался идолом, затоптанным в пыль стадом лизоблюдов, мародеров и варваров. Разжиревшая челядь, устав маяться в четырех стенах от безделья и глупости, в обмен на Английское золото и призрак свободы по наущению еврейских казнокрадов накормила Узурпатора мышьяком. Император мешал всем. Он, превратился в ночной кошмар для победившей коалиции. Совет Монархов, напуганный дерзким возвышением некогда неизвестного капитана, решил, что лучше, для всех, чтобы его не было совсем. Эпоха великих потрясений закончилась бытовухой с примесью вульгарной уголовщины.

– Все они, и из грязи поднятые, и на тронах сидящие в конечном итоге предают. -Глубокомысленно изрёк Пьер, взмахнув плавниками. – Потому, что в душе всё одно, навсегда остаются рабами. Нет – свободным нужно родиться, тут кровь решает всё дело, и никак иначе. В остальном, признаю князь, кругом ваша, правда. Прошлое ровно, как, то болото, которое лучше не колыхать.

– Согласен любезный друг. – Бодро ответил князь. – Только я подзабыл, в чём суть хохмы?

– Сдаётся мне, шторм надвигается! – воскликнул Пьер Безухов. – Нырём глубже, и я расскажу, вам этот анекдот!

ПРИМЕЧАНИЕ: Диана Мраморная* Жеманница. ** *** Москва священный город. **** Мой милый.

***** Хорошие принципы. Плевать. ***** Между нами. ***** Извините. ***** Бастард. *****

(Франц.) Севастополь 1997 год

Письмо на ту сторону

(Не научная фантастика.)

Звёздная система Коул.
Планета Терекс.
11 Ноября 2599 год.
Орбитальное время: 8: 30 утра

Привет Илья!

Давно собирался черкануть тебе несколько строк, да всё не складывалось.

Сегодня, наконец, выдалось свободное утро. Сижу в своей халупе, с «банкой» «Метеорита» в обнимку, и пытаюсь выразить в словах, ощущение блядскости, временами, охватывающее меня, на этой грёбанной планете. Загнали в такую дыру, не приведи бог!

Здесь совсем нет приличной выпивки, и факт сей, надо признать, печален.

Без водки, чего греха таить, любой мир – совершенно теряет свою привлекательность, что бы там ни говорили моралисты и врачи. О бабах, приходится только мечтать. Здешние Кугутки не моются вовсе, им, видишь ли, вера не позволяет. На рожу страшнее атомной войны, и плоские, как моя жизнь.

В Гафанге правда, есть публичный дом, но, я вряд ли сумею вырваться туда раньше середины зимы. Приходится «передёргивать затвор» листая пожелтевшую подшивку «Маркизы».

Аборигены гонят самогон из пауков Листоедов – отвратное пойло. По вкусу нечто среднее между кувалдой и лаком для волос. После дозы грамм в сто, башка гудит сутки, и дристок прохватывает такой, что будьте нате. Кишки можно в сральной оставить очень даже запросто. Если паскуда экспедитор до закрытия рек не подтянет на базу «топливо» и провиант – сливай масло. Придется травиться местной «огненной водой». Однако, всё лучше издохнуть от поноса, чем от тоски по Родине.

Чёрт бы подрал Верховников! Сидят жлобы в шубах, «злого духа» под себя пускают!

Ильюха, власть меняет людей.

Кем был Будякин до того, как «Броненосцы» посадили его тушу наверх?

Вшивым торговцем рыбой. Он ел у нас с ладони. Клялся в преданности общему делу...

А я спал с его женой. Признаю, сделал не простительную глупость, смешав общее и частное. Всё одно, что бадяжить «Столичную» с пивом. Ничего хорошего, кроме блевотины выйти не может.

Но не ветвистыми рогами, «генносе» Будякин, зашвырнул меня в космос. Всё сложнее и многогранней...

Прежде всего, нас погубила слепая вера в людскую порядочность.

Пройдя Путь Железа и Крови, мы, как это не дико осознавать, вышли из войны такими же идеалистами, как и вошли в неё. То есть История нас ни чему не научила. И «мацысты» снова «натянули» человечество на «кол» – соответственно законам Талмуда. Спасибо ещё, что не ломанули ледорубом по черепу.

Теперь приходится корячиться за здра́сьте или, как Сван, клеить коробочки в «Жёлтом доме».

Спиваюсь в хлам в этих богом забытых болотах, втюхивая туземцам «Основы демократии и человеколюбия». Которые, откровенно говоря, нужны несчастным, как керосин в Судный день. Кугут прост. С него довольно горсти сладостей не хитрых. Так что, я здесь, на вроде,

кондитерского автомата с музыкой – проповедуй, что хочешь, хоть Кама-сутру, только конфеты с пяти до шести выдать не забудь. Народ на Терексе покладистый. Арбают за всю грязь.

Но всякий раз, расплачиваясь с ними за рабский труд убогой молочной карамелью я чувствую себя конкистадором, скупающим у краснокожих за зеркала и бусы – не понятное для них золото.

Еврей Хайме Колон, больше известный миру под именем Колумба был, как выясняется, тот ещё проходимец.

Испанцы говорили: «Не сдашь „песок“, Господь оденет тебя, в железные сапоги, а дон Христофор застегнёт пряжки». «Обували» туземцев, по полной программе.

Conspersión rygal кровью ещё добрых два столетия визжа от художеств Короны.

Пока индейские племена не объединились и не дали «цивилизованным» католикам бздей. Смеху было на всю Европу.

И чем скажи на милость, я отличаюсь от вице – короля Индии?

Знанием абсолютной истины? Умением управлять пилотируемым модулем в межзвёздном пространстве? Этим ржавым ведром с гайками, напичканным банальной электроникой? Поверь мне брат ничем совершенно.

Ну, разве, что я уже год, сдрачиваю в кулак, а Колон, даже в плаваниях умудрялся обходиться педиковатым юнгой, и имел не однажды, королеву Изабеллу поставив раком, на столе.

Прикинь картина – «голубки» блядь, «пыжатся» на груди государственных бумаг, и вдруг, является неврастеник Фердинанд. Какой пассаж... Понятно дело – крепость, суд, чуть не сказал – Сибирь. Отлучение от Церкви, лишение всех «бабок» и наград. Финал простой – смерть в нищете....

Могилами наших парней усеян Земной Шар. От Можайска до Калифорнии.

Солдаты Первого Броненосного легиона – водрузили Знамя Победы на развалинах Капитолия. Но по собственной глупости и недалёковидности ветераны отдали выстраданную победу негодьям и плутократам.

Невольню превратившись в лакеев Новой Еврейской Олигархии. Воистину «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Теперь, я спрашиваю тебя капрал – доколе будет продолжаться наше шествие во тьму?

Не пора ли нам Славянам по Вере и Крови объединиться и сбросив каиново ярмо укротить, наконец, гиен Давида?

Куда идут миллиарды выкачиваемые из недр множества планет? Преодолев титаническими усилиями, Третью Мировую Войну, земляне в поисках новых пространств осваивает дальний Космос. Для кого? – спрашивается.

– Для людей! – ответишь ты!

– Говна на лопате, друг мой!

Консорциум еврейских Банкиров, прикрываясь Декларацией Прав Человека, занимается финансовым рукоблудием и скупает, за бесценок аграрные планеты.

При попустительстве ООН – этой клоаке мирового сионизма. Раздувает шумиху вокруг мнимых эпидемий, взвинчивают цены, на нефть, лекарство, жратву, в то время, как миллионы людей в Галактике подыхают от голода обретаясь в самых нечеловеческих условиях бытия. Скупает за нашу кровь.

Манипулируя идеями Долга и Совесть, гонят солдат «цивилизованных» миров вколачивать с кровью «демократические, общечеловеческие ценности» в инопланетные народы при помощи напалма и свинца. Зачем?

На данном этапе, тот, кто владеет площадями плодородной почвы, водными ресурсами, углём, газом – владеет всем.

Ибо получение качественного, не испоганенное химией продовольствия и контроль над источниками различных видов энергии – это власть над телами и душами обитателей Вселен-

ной. Раввины Сиона резво «вкурили» расклад. И, как у них заведено, принялись сколачивать бранжу. А Совет молчит!

– Почему?

– Хороший вопрос. Нынешним дерьмократам «цадики» слюнявят жирный процент.

Всяческие там, правители «Гуманных» миров, спят и видят, как бы успеть хапнуть, побольше, и отбыть в тёплые края.

Мы же для них, не смотря на все наши заслуги перед Отечеством, всего лишь величина малая. Надсмотрщики над рабами и сами в большинстве своём рабы.

Инструменты, предназначенные исключительно для достижения их далеко идущих целей. Нас смоят в клозетной чашке, как тампон. Едва только в наших услугах отпадёт надобность.

Ты думаешь, из – за жены Будякин загнал меня в эту глухомань? А хер бы он клал, на свою шалаву! Рыболов не может простить, что именно мы – «Броненосцы» подняли его во власть. Пришло время платить по счетам.

Ты где-нибудь видел банкира, торговца или биржевого воротилу, сполна оплачивающего долги? Делать этого, ой, как не хочется!

Современные Шейлоки могут бросить тысячу – другую в богадельню. Построить Синагогу на «экономленные» средства. Порассказать в своей гугнивой жёлтой прессе, о том, как они «любят» всё человечество – это они умеют, хлебом не корми, дай друг другу «Шнобилевские» премии выписать. А реальные обязательства можно не оплачивать. Они для них ровно туалетная бумага. Жида добра не помнят. Они его не осознают.

Сегодня Будякин лезет в Канцлеры. И уже подмял большую часть Совета под себя. Потому, что в правительстве козням масонов больше никто не противостоит.

Пока ветераны входили в Государственный Совет, всю эту «ТалМудовую шушеру» ещё удавалось как-то сдерживать. Однако, после октябрьских событий 2593 года, когда одуревший от водки Большой Папа приказал вывести на улицы столицы танки, деятельная оппозиция перестала существовать. Её вульгарно «загасили», долбая из всех калибров, прямой наводкой, по зданию парламента.

Чтобы не «сгинуть задарма», пришлось идти на компромисс, выбирать между могилой и посольством на Терекс. Так, что история с Лидией – это «телега» для любителей клубнички. Сегодня общественности можно втереть любую мульку.

Как говаривал теле – халдей, прилюдно писая в бутылку из-под лимонада: «Пипл всё с хаваает». Упрятав меня на Терекс, Рыболов лохонулся. Именно здесь в медвежьем углу мне удалось, я надеюсь, схватить его за яйца.

Разгребая административный бардак, я набрёл на пачку писем и отчётов, из которых явствует, что Консорциум сознательно занижает валовой оборот Терекса.

Даёт центральному правительству заведомо фальшивую информацию по нефти, алмазам и прочим ресурсам. Если наши обормоты признают Терекс не рентабельным, планету законсервируют. И хапуги наложат на неё свои поганые лапы. Теперь вдумайся Ильюха, что произойдет, если эта падла победит на выборах? «Мацаеды» легко проглотят Вселенную.

Спрашивается, на хрен было огород городить? Смешивать Америку с дерьмом и пеплом? Когда через такого вот Будякина человечество опять будет дёргать за верёвочки возрождённый Каганат. К сожалению, я слишком шумно принялся возиться в своей «берлоге», и Рыболов видать что-то пронюхал. В тутошних лесах наемни объявились Тайваньские карлики. Сам понимаешь приятного мало. Этим обморокам палец в рот не клади. Из парочки трупов этих мудаков я приказал местным умельцам сварганить чучела. Получилось не плохо. Думаю, послать Будякину подарочек с ближайшим почтовым звездолетом. Пусть знает гад, что расслабляться я не собираюсь, а там, как карта ляжет. Там, даст бог нечисть выведем.

Если же всё-таки, меня «припаркуют» – знай Ильюха, что ушёл я не по своей воле, а всё о чём бы ни написали газеты, лажа, от первой до последней строки. Рыболов, несомненно, будет искать с пеной у рта нарытые мной документы, поэтому, случись что, будь крайне осторожен. Весь наш боевой опыт, в драке с этим пауком может оказаться, бесполезен, если не держать рот на замке, а глаза открытыми.

Прощай! Остаюсь твой друг
Сержант Броненосного легиона

Борис Бобров

4. 11 – 5. 11. 2005 19:25 Севастополь.

Сказка про пашу

В нашем селе жил Паша. Был он так себе пассажир, чисто Чебурашка поролоновый. Одутловатый по жизни. Тушканчик, одним словом. Растил Паша «ганджибас» в огороде сочный, метровый и вставной до опупения. И тем был Паша счастлив и горд, как Мичурин. Но однажды вползли к нему на флэт вилы вильные, завальцовонные, гранённые. На заводе «СЕРП и МОЛОТ» спецом для Паши не трезвыми ударниками труда в три смены смастряченные.

Пришла короче Паше пора в армию идти, от врагов буржуинских Родину защищать. Сдулся Паша на раз, будто грудь пожилой хористки, хайер под воротник спрятал, сидит стремится. Рубит Пашу, измена лютая, мехом кверху вывернутая. Паша с малолетства, весь «пацификами» обклеенный, словно чемодан туриста не здешнего. Не пруха ему с милитаристами в яшкаться. Хоть плачь, не климатит Пашу в Красную Армию вписываться.

Долго думал Паша думу крутую на «ганжибасе» ядерном настоящую. Делать неча, не стал он военкома с кренделями дожидаться. Решил идти сдаваться на дурдом, пока крылья не заломили, а там, будь, что будет. Авось кривая вывезет.

Набил Паша подсумок травой. Дунул пятку понтовую напоследок и полетел. Долго ли летел над полями и горами это не ведомо. Только случился с Пашей приход небывалого качества. Упёрся он рогом в параллелепипед стеклянный, со всех сторон огнями расцветенный. Над дверьми надпись аршинными буквами:

УНИВЕРМАГ «УРУГВАЙ»

Вошёл Паша в двери. Вокруг лохи и урелы мечутся, как тараканы на свету, друг другу «фуфель» пополам с лебедой впаривают.

«Ага!» – смекнул Паша, и выменял на траву Будёновку со звездой, саблю и коня резинового на палочке. Скачет Паша по «стриту» только пыль из-под копыт летит, да менты в след свистят, удивляются.

Прискакал Паша на призывной пункт, слез с коня поклонился военкому в пояс и молвит: «Хочу, от супостата Отчизну оборонять, под твоим светлым началом воевода. Дозволь боярин в конницу вступить, пешему де мне не способно, хобот мешает». Военком дородный «мэн» в орденах по самый копчик возрил на Пашу поросычьими глазками, затопал ногами, замахал руками и роняя челюсть на пол, кликнул санитаров страшным голосом. От того рыка звериного листва с деревьев облетела, и птицы оземь попадали. Выскочили молодцы из железного сундука на колёсах, предстали пред военкомом не мертвы, не живы от страха и давай пленать «кавалериста» в рубище смирительное. Матюгался Паша на всю округу. Кусался пса цепного злее, да только захомутали Пашу санитары без жалости. Привезли в чертоги медицинские, где ширяли серой нещадно, пока не очреслел Паша, не сделался бэк его, деревянным, как у Буратино. Лежит Паша в палате на животе к кровати вервием принайтованный, мух считает и думает: «Вот, однако же, все, по-моему, вышло. Не схавали, вояки Пашу, отрыгнулось, им сукам блохастым». Осенью спустился Паша с Терапевтической Горы со справкой. Пришёл в своё село, а в огороде трава, аж до неба вымахала. Обрадовался Паша, и полез по стволу ганджибаса под самые небеса. Глядь, а на облаке сидит военком улыбается и, махает Паше, заряженным косяком:

– Давай, мол, Паша дунем.

Оторопел Паша, и упал с «ганджибаса» на грядку. Упал и заплакал. Потому, как понял, что никуда от Судьбы не деться, сколько не бегай.

Севастополь. 2004 г.

ИГЛЫ – ИГРЫ – I

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

1

Хвост поезда уполз за горизонт.
На рельсах только изморось осталась.
Японец в котелке, раскрыл свой чёрный зонт,
Хотя дождя, ещё не наблюдалось.
Чертили ласточки меж серых облаков,
Замысловатой геометрии фигуры.
Когда из многозвучья голосов,
Согласно знакам божьей партитуры,
Мелодия сложилась и слилась,
С природой убегающей натуры.
Весельем наполняя пёстрый люд,
И позволяя в сласть крутить амуры.
И молодости шумной, и мужам седым,
Чей опыт жизни говорит: «Все бабы – дуры»!
Гук*, поднабравшись в волю новостей,
Пресытившись гуляньем по перрону,
Сел на извозчика, и покатыл скорей,
Докладывать кормильцу и патрону,
Что на вокзале утром нет смертей,
Фандорин-сан* ошибся, слава Посейдону!
И можно выпив чашечку sake, опять предаться,
Дрёме – занятию достойному вполне...

2

Блошинный рынок плещет матом в окна.
В квартире солнце растянуло сеть. Куда
Попали: телефон, копеечная вобла, про —
Давленный диван и пепельницы медь.
Предсердие качает с перебоем, отравленную,
Алкоголем кровь. И с целью обретения покоя,
Листаю в новь тургеневскую «Новь».
Пытаюсь вникнуть в давние расклады: Кто? С кем?
И по какому поводу? Зачем? Не знаю лишь,
Кому всё это надо? Чужая страсть, как омут,
Вешний зыбкий по Весне. И может стать, последней,
Каплей горя или читателя оставить не в себе.
А в «Жёлтом доме», в пору листопада, забиты,
Все свободные места. Как не крути, нет – мне туда,
Не надо. Там отлучат от чистого листа. Заставят,
Жить, как зверя в тесной клетке. Чуть что, не так,
Под кожу впрыснут яд. Бывает так, из тех чертогов,
Медицинских, и у поэтов, нет пути назад.

06.01.2018 18:05

* Фандорин и Масса – знаменитые персонажи из книг Бориса Акунина.

ЭКСПРОМТ – VI

Незнания своего, нет, не страшусь.
И контурные карты жгу над газом.
Какая разница, когда, я в путь пушусь?
Ведь жизнь моя, «накрылась медным тазом».
Осталось лишь, чуть меньше половины,
Быстро текущих дней, бессмысленных ночей.
А там, как знать, куда лежит, тропа души моей?
Возьмут, да сделают межзвёздным водолазом,
Нырять и плавать стану меж теней. Выискивать,
В кипучих океанах, добро чужое. Чтоб три тысячи,
Чертей, могли пропить хабар, в иновселенских,
Ресторанах, и мёртвых золото потратить на блядей.
Работа та ещё видать, не хуже канцелярской, надеюсь,
Что чистописания не страшней. А то вдруг, окажусь,
В конюшне барской, затем, чтоб, взнуздывать,
Взбесившихся коней. Какому ни будь демону, из мелких,
Кто старше беса, но чуть ниже упырей. Да мало ли, дорог,
Крутых и терпких для бесприютной участи моей?
09.01.2018 14:19

ЭКСПРОМТ – VII

Любовь прекрасна, я её не стою,
Не то чтобы гвоздя, иной слезинки.
И не хрен, о любви писать в стихах.
Всем всё ровно, что свадьба, что поминки,
Виновник торжества, всегда в долгах.
Поэтому, жить надо без напряжения.
Украл молчи, кто в силе, тот и прав.
Обиду, боль, всё стерпит лишь бумага,
В каких ни будь убогих словарях. Всё,
Прочее оплачено быть должно, по счёту,
Сталью или же свинцом. И Бог и ним, с тем,
Что назовут моралью. Мы все играем за одним,
Столom. Где карты мечет сразу в пользу казино,
Какой ни будь крупье. Слепой двурушник,
И выиграть, никому не суждено.
09.01.2018 15:40

ЭКСПРОМТ – VIII

Вот бы, взять, да и уехать – в Парагвай!
Это вроде, отпуск летом – Пропуск в Рай!

Ничего, что в джунглях влажно и темно,
Там помимо крокодилов – Никого!
Не бурлит телеэфир и не стучит, по ночам,
Электродрелью – Содомит! Что один в,
Пустой квартире, сверлит пол, ему надо,
Заработать, он – Хохол! У него,
На праздник – Сало! В будни – Хер!
Так меня здесь всё достало! В СССР,
Попасть желаю хоть на – Час!
Прокатится на трамвае, выпить квас.
Просто выйти на бульвар и потолкаться,
Меж людей. Ещё не отягощённых горем,
Доброй Родины – Моей! Жаль, что это —
Невозможно! Да, Бог с ним! Только чуют,
Мои ноздри – Мира кровь! Где-то рядом,
Совсем близко – Серп войны! Быть великой,
Горькой жатве без – Вины!
12.01.2018 01:14

ЭКСПРОМТ – IX

Что в тишине такой разноимённой,
Мы ищем, прикурив от пустоты?
Вот марки, собранные в детстве.
Вот стакан гранёный, подаренный,
Хранительницей тьмы, во дни, депрессий.
Чтоб залить водярой, убогий быт. Боль,
Исковерканной души. Вздор школьный,
В разлинованных тетрадах, на веки,
Проклят и давным-давно забыт. Вдруг,
Неожиданно всплывёт и как дымящаяся,
Рана, как краденный у дьявола магнит,
Саднит и мучает воспоминаниями,
Где всё ещё, мой город не изрыт,
Как пулями рекламными щитами,
И влассовской «портянкой» не пестрит.
И есть надежда на выздоровление,
И жив отец, и старость к маме не спешит.
Надежда есть, но я уже – убит!
13.01.2018 01:12

А. Н. ***

Вдруг в доме станет темно,
Исчезнут тени от свечки.
И постучится в окно,
Чужая жизнь из кино.
И встанет в рост на крылечке.

Что буду делать тогда?
Не знаю, пить или плакать.
Ведь снова память будить,
Играть с судьбой в домино,
Ступать в осеннюю слякоть.

А я, совсем не готов,
К принятию новых даров.
Пропах копеечной водкой.
И разучился рулить, без,
Парусов и ветров, своей,
Убогонькой лодкой.

К тому же, музыка дней,
Звучит давно не с моей,
Живой как свет партитуры,
И я не чувствую в ней,
Ни смысла новых идей,
Ни уходящей природы.

Так пусть всё будет, как есть,
Давно пора разучится,
Взирать на мир, как на дом,
В который, кто-то стучится.
Не то, возможно совсем,
Поехать вниз головой,
И окончательно спится.
19.01.2018 14:14

ЭКСПРОМТ – X

Душещипательный яд, проникнув в мой организм,
Ломает стереотипы. Я был алкаш из пивной. Потом,
Английский портной, всё по сценарию клипа. Теперь,
Сажу на краю, каких-то бранных миров. Пишу роман,
Про тайгу, и про проделки Эдипа. Мне совершенно плевать,
Кто может взять и издать, весь, этот бред, после гриппа.
Ведь режиссером Судьбы, с похмелья вроде не стать,
Кинематограф здесь – липа! А я увы, не из тех, кто станет,
Трезвым внимать, адептам МХАТа и ВГИКа. Куда как проще,
Послать всех долбоёбов на ять, и стать монархом без свиты.
Пить самогон из горла и рассуждать до темна, что вся Культура, убита. А дети праздник
любя, пусть похоронят меня, как не живого коня. В могиле нового быта.
20.01.2018 – 21.01.2018 02:12

ДВЕСТИ ПЯТНАДЦАТЫЙ КАТРЕН НОСТРАДАМУСА

Ещё горит огонь в моей яранге,
И черти с дымом вылетают прочь,

Царапая когтём кривой фаланги,
Морозную октябрьскую ночь.

И вовсе не в сомнениях о Боге.
И не под гнётом собственных забот.
Я прибываю. Быт моей берлоги,
Меня признаться, вовсе не ебёт.

Иное, под корой хмельного мозга,
Гнездится уж полгода как. Мечтаю
Вплывь покинуть полуостров. Предвижу,
Бедствия. На небе дурной знак.

Является столь часто, что кажется,
Прописан янтарём. И всякий день,
Погожий иль ненастный, он говорит:
Беги. Спасайся. Смерть идёт с тавром.

Подвергнется Нашествию Страна.
Гиперборейских Руссов Уйдут в ничто.
И превратятся в мусор, поля и пастбища.
И сгинут подо льдом, и пеплом города.

Всё в раз изменится, и смелый станет трусом,
И реки потекут не весть куда. В добавок ко всему,
Ток электрический, изменит минус с плюсом,
Сместивши несколько земные полюса.

29.01.2018 16:50

Невероятная халтура, писать плаксивые стихи.
Травой – дурманом, на хи-хи подстёгивать своё,
Сознание. И лгать родне, как шерсть с руки, что:
«Без бабла и пол строфы не накопаю в оправдание».
А то, вдруг отпрыски мои, решат, что, на строку легки,
И по стопам моим, увы, отправятся ловить мечты,
В страну гнилого рифмования. Жить там, им будет,
Не с руки. Ни технологии, ни знания. Тем паче здесь,
В миру, где свет, есть, лишь, для Геллы и Афрания.

30.01.2018 23:36

ЭКСПРОМТ XI

И творчеством, и ростом не велик.
Имею с бытом вечные проблемы.
Как прежде пьян, и не могу не пить.
Не тунеядствовать, не выпасть из схемы.

Таков мой путь, измеренный в стаканах,
Ведущий из... скорей всего, что на...
Но я привык не быть, одним из клана,
Достаточно вполне, что я есть я.
Кто не согласен, пусть напишет книгу,
О том, как правильно грести не под себя.
А я останусь среди тех, кто держит фигу,
В кармане. И нос по ветру в чайнии рубля.
Образование моё грешит пробелом. Диплом,
Давно, прибит гвоздями над столом. Конечно,
Хорошо быть вечно в белом, но жизнь,
Заставит, и измажешься дерьмом. Здесь,
Чистых нет. И запах как в дегтярне. Солоно —
Горький с кровью пополам. Как учит Маркс:
«Всяк труд – предмет товарный» и я торгую,
Собственным пером. Царапаю сто строк,
Не ежедневно, но всё ж, достаточно, чтоб,
На флакон поднять. И пусть идёт по дальше,
Цензор гневный. Ему, моей судьбы, не поменять!
31.01.2018 18:17

ПИСЬМО А. П. ЧЕХОВА С МЕСТА СОБЫТИЙ 1900 ГОД

Желаю удачи всем! Тунеядцам и Негодьям!

В деле выноса товара в ночь, через двери чужих окраин.

Как не, терпящий пустоты, в погребках чужих, я вполне отчаян.

В кражах, терпких вин и пивной слюны, а по салу, вообще, эксперт, как старик, Державин. Вместе с тем, и ценитель чая, не брезгаю «ширями» из Китая. Запросто, беру всё, что плохо лежит, хотя знаю, можно выхватить, Пиздюлей или каторгу, на Сахалине, где собачьим лаям заходятся. Надзиратели, в плоть до Мая. А потом, получив надбавку бегут в Хиву, И кутят там не просыхая, потому что, у них в роду, заведено от Мамаю. Потребление, спиртных напитков в пределах Рая. Загоняя народ под нары, очень хочется остаться в святцах. А то, и вовсе, угодить в мемуары.

03.02.2018 00:24

Когда мы тырили бутылки,
Из погреба, где «Рислинг» стыл.
Старик Державин нас заметил,
И всех, директору спалил.

Типа А. С. Пушкин.

Говорят, интернет это – Бог.
И уже, слагают об этом песни.
От которых, весь Мир оглох,
От Чукотки до Красной Пресни.

Даже здесь, на краю небес,
Стаи ангелов в робах белых,
Тянут оптико-волокно, на три
Сотых, шестнадцать целых.

Дескать, велено пролагать,
Трафик новой Любви и Веры.
Не пропойцам, каким ни будь,
Юзерам, отчаянно смелым.

Что Свет Истинный понесут,
Людам с помощью ноутбука.
Чтоб не висли вдруг, без вины
И не сгинули в Вечных Муках...
05.02.2018 16:23

ЭКСПРОМТ XII

Звездец всему, и лошадям, и людям,
Ушёл под лёд последний паровоз.
Здесь всё, как в шахматах. Пехотой,
Загнан в угол, и из угла, не выбраться,
Барбос. И хорошо, если и цепь, и миска,
И будка есть. А то, снесут на живодёрню,
В храм садиста, и станешь там, и увядать,
И цвести. Пока в стране сбежавшей, от марксизма,
Хоть у кого, пол сердца медных, есть.
Или же, всадят с дуру пулю с ядом,
Промеж рогов, чтоб зря не мучился,
Нелепой верой в жесть. Иные пастухи,
Приставлены за стадом смотреть.
У них в руках не только «Что, бля?! – Шесть!»
Но вяжут в узел, принципы по круче,
Которых в, философских книгах, тьма,
Из тьмы, а тот строитель, что возвёл,
Плавучий дом на случай, для них,
Всего лишь, плотник без вины.
16.02.2018 23:39

ВЕЧЕРНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1

Когда мясо моё протухнет, и я стану похож на навоз,
То душа, всё равно пробьётся, через тысячи мух и стрекоз.
В неизбежные горные выси, к перекрёсткам иных миров.
Где не надо служить в Наркомпроссе, извергать в день до
Тысячи слов, на бумагу, для идиотов, что трясут, основу основ.
Совершенно не понимая, здесь за каждым не счесть грехов.

И не следует мерой веры, измерять в газетах слова,
Потому что, волной регресса очень плотно накрыта страна.
А указы, Кормчего Пу. (Чья природа и так, ясна.)
Как минимум, полумеры, и ведут нас всех, в никуда.

2

Как странно быть пилотом без штурвала,
И грызть орехи, хоть не белка в колесе.
Я сам из тех, кого здесь всё достало,
Давно и прочно, словно гайка на болте.
Пишу, как есть и слов не выбираю. К чему,
Культура если на сердце темно. И пусть,
Придут владельцы карнавала, я уплатил,
За свой колпак, давным-давно. Монетой,
Звонкой. Золотом из детства. Замешанным
На извести тоски. И вот, теперь, когда, столь,
Многое постиг, возник вопрос: Куда, с моим умением,
Видеть поэтические сны, и их разгадывать, падется?
Провидцы этой власти не нужны.
Пусть будут лучше, пошлые шарады,
Которых здесь, в журналах до хрена.
На то, что есть, смотреть совсем не надо.
Какая разница, куда, несёт на крыльях пустота:
Над городами, полными скорбей и бытового смрада,
Над храмами, чья медь зимой, на откуп ночи отдана.
И над делами, мерзкими людей, жизнь коих, столь давно,
Подверглась многоточию. Что только, бунтом будет решена.

3

Без Веры, как и без Любви, прожить на свете невозможно.
Но, мы живём, и корабли, в моря спускаем осторожно.
Под крики чаек, паруса, вздымаем, каждым божьим утром.
О ветре, молим небеса, и об удаче. Некто мудрый, порю,
Слышит нас, но чаще, к молитвам нашим глух и нем.
Сколь не стремились мы пробиться к нему, сквозь сеть Химер
И толщу стен. Он лишь поманит осторожно, край истины чуть,
Приоткрыв. Ведь, большинство из нас, безбожны, и наша алчность,
Как нарыв, на теле Мира. Всё съедает от ржавчины, и до кости.
Кто знает, сколько нужно силы, ему, чтоб нас убогих вновь спасти?
19.02.2018 – 20.02.2018 01:49

СТРАННЫЙ СОН, В ПОЛОВИНЕ ТРЕТЬЕГО НОЧИ.

Когда над собором Святого Петра пролетят мириады скворцов,
И на базарах Рима расторгуют с утра Кайенский перец и рыбу.
Папа закроет Ватикан на засов и поднимет всех слуг на дыбу.
Потому что, прежде чем Мир спасти, надо в доме прибрать,
Хоть не много. И пусть не каждое лыко в строку, но всякое слово,
От Бога. А пряник и кнут, в начале пути, их не бывает много.
Пусть будут, ибо с ними, ночью светло как днём, и не так тяжела,
Дорога. Через Вечность и кровь людей, на вершину сакральной

Власти. Где каждый второй пьёт чашу до дна, и дышит смрадом,
Драконьей пасти.
02.03.2018 02:35

ПРОГРАММА МИНИМУМ

От простуды треснула губа,
И чесотка одолела тело.
Ах, зачем же, жизнь меня внесла,
В список живших в годы беспредела?

Нет бы кинуть, лет на семьдесят назад,
Пусть и в раскалённую Европу. Только,
С теми знаниями: в чей сад, вор забрался,
И зачем, устроил всему Миру – жопу?

Ох, и завертелась бы юла! Лучше не,
Придумать. Право слово, как в той песне:
«Знай свои права! «Штучные» откроем,
С полвторого»!
А ещё, бабла бы, накопил, и пустил бы,
Биржу всю по ветру. Отогнал масонов,
От котла. Разобрал Нью – Йорк по,
Километру!
Горби, задушил бы ка щенка,
Голыми руками в колыбели.
Чтоб его поганые дела,
В будущем значения не имели.

Виндзоров развесил по столбам, как,
Протухшую селёдку в день получки.
Всяких там, политиков, в Бедлам,
Пока Мир не довели до ручки.

Ой, и натворил бы я делов,
Господи, прости за откровение!
Жаль, что, «кроме мата – нету слов».
И почти закончилось терпенье!
06.03.2018 03.16

Трактат о жизни насекомых, написан был, увы, не мной,
И среди всех своих знакомых, прослыл совсем ни как Playboy.
Да что там глянec, даже в меди, не разбираюсь ни хрена.
Извечно «капают» соседи, на мозг. И дворником был послан на...
За то, что взял, да сжёл газеты, в почтовом ящике дотла. Порой,
Бесчинствуют поэты. И это – Не моя вина! Когда я вижу буква,
В букву, как вырастает из дерьма. Из гнуса. Из макулатуры. Ком,
Не приличного вранья. Про наше прошлое, про город, в котором,

Столько прожил я. Спалить не то что бы бумагу, Рейхстаг, поджечь,
Согласен я. Настолько сильно травит ядом, меня, газетная строка.
11.03.2018 0.37

ЭКСПРОМТ XIII

Пепел – это только то, что в пути, сразу после тёплых дождей.
Господи, скажи, как мне быть, я давно устал от людей?
Потому, и жгу корабли если соловей не поёт. Потому,
Вокруг так тепло, потому и плавится лёд. Сидя на краю,
Января, трубку раскурю от углей, и у проходящего дня, попрошу:
«Грамм сто мне налей». Потому, что дальше невмочь, дальше,
Круторогий Февраль, а за ним столетняя ночь, а я, всё ищу свой
Грааль. Верую, он скрыт где-то здесь, в подземельях, в горном
Крыму. Только мне, Никак без огня, и не подойти одному. Рядом
нужен кто-то ещё. Кто-то, кто, способен понять: Что такое, время
вообще?
И как повернуть его вспять?
Но, вокруг совсем никого. С башни лишь, кричат сторожа,
проклиная, Ветер Борей, рвущий из песка якоря...
14.03.2018 06:18 – 14:33

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Говорят, я умер вчера? Так вот нет, вы в это не верьте.
Просто я, ускользнул туда, где свет жизни, и нету смерти.
Алюминиевый перестук, невесом, лечу пневмопочтой, по трубе,
Как стрела, чей натянутый лук, вдруг внезапно утратил прочность.
Во вселенский калейдоскоп брошен чей-то рукой всемогущей.
Осознание, того, что гроб, только дверь, не в Райские кущи, и не,
В дикий подземный Ад, населённый литературой, а всего лишь,
Вместилище для, чуть больше двухсот костей и убогой мускулатуры. Изуродованной,
пьяным врачом, а душа моя, суть жива, и летит, сейчас, К Демиургам на Гранатовые острова
или может на много, дальше? Вопрос к тем, кто ведёт меня, сквозь завалы дерьма и фальши.
Интеллект, Обнажая до дна. Избавляя от бедствий ранних. И от времени, как ярма. Знай лети
себе, словно пух, сквозь, прекрасные города и неведомые, Пространства. Я как будто крылатый
дух, рать, избавленная от упрямства, И от прочих, иных, грехов, искушавших сознание прежде.
Теперь кажется, нет Долгов. И пути-дороги, открыты, к надежде...
14.03.2018 16:30

Я из лесу вышел, а толку чуть?
В цепях как батрак, и пьян.
На мне пальто чужого плеча,
И зубьев во рту, изъян.

Должно по случаю, где, подрастерял,
Наткнулся на вражий кулак,
А может скулой саданулся об пень,

Ведь, всюду вселенский мрак.

Сколь дён, шкандыбаю не весть куда?
Найти бы где, хоть тухлый кабак,
От пуза пожрать горячительных щей,
И выспаться, но ништяк, за горой.

Не светит мне, как будто кто, слямзил фонарь,
Лишь только, занудную песнь, о чужом дерьме,
Поёт подгулявший волгарь, он щиплет струну,
И кладёт слова, как в стену кладут кирпичи,
Мелодия эта – разуму яд. И камень, на дно души.
24.03.21018 23:16

За путь земной, который не удался,
Мы выпьем и закусим, тем что есть.
И пусть к пятидесяти годам я, днесь,
Как бесприютный пёс по-истаскался и время,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.